

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б52

Jessie Burton
THE MINIATURIST

Copyright © Peebo & Pilgrim Ltd., 2014
All rights reserved
Cover artwork by Catrin Welz-Stein

Перевод с английского
Надежды Казанцевой, Аллы Юшенковой

Бёртон, Джесси.

Б52 Миниатюрист / Джесси Бёртон ; [перевод с
английского Н. Казанцевой, А. Юшенковой]. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206748-8

1686 год. Юная Нелла стучится в дверь большого дома в богатом квартале Амстердама. Она приехала сюда, чтобы стать женой известного торговца Йоханнеса Брандта. Однако вместо мужа ее встречает его сестра — острая на язык и неприветливая Марин. Лишь позже появляется сам Йоханнес и преподносит ей необычный свадебный подарок: миниатюрную копию их дома, а также крошечные копии всех его обитателей. Постепенно девушка все ближе узнает свою таинственную семью, а еще понимает — миниатюрный дом в ее спальне живет отдельной пугающей жизнью...

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Казанцева Н., Юшенкова А.,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206748-8

*Посвящается Линде,
Эдварду и Пипу*



Кукольный дом Петронеллы Ортман,
Государственный музей в Амстердаме.
© Rijksmuseum, Amsterdam

Термин ВОК относится к основанной в 1602 году Голландской Ост-Индской компании (на нидерландском языке *Vereenigde Oost-Indische Compagnie*, сокращенно *VOC*). ВОК располагала сотнями кораблей и торговала с Европой, Африкой, Азией и Индонезией.

В 1669 году она управлялась советом из семнадцати директоров, насчитывала пятьдесят тысяч сотрудников и шестьдесят партнеров. К 1671-му акции ВОК на амстердамской бирже выросли по сравнению с номинальной стоимостью почти в шесть раз.

Благодаря финансовой мощи Объединенных Провинций Нидерландов и мягкому климату этой страны ее бедняки ели сытнее, чем простой люд Англии, Италии, Франции или Испании. А богатые питались лучше всех.

Расхищайте серебро, расхищайте золото: нет конца запасам всякой драгоценной утвари.

Книга пророка Наума, 2:9

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его:

Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!

Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания?

Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

Евангелие от Марка, 13:1–2

*(Приводимые в книге отрывки
были особо помечены
в семейной Библии Брандтов)*

*Старая церковь, Амстердам.
Вторник, 14 января 1687 года*

Похороны предполагались немногочисленные, ибо друзей у покойной не имелось. Но в Амстердаме слова как вода, мутной струйкой они просачиваются в уши, и потому в восточном приделе храма сегодня тесно. Она украдкой наблюдает из хора, как члены гильдий с женами стекаются к зияющей могиле, точно муравьи к меду. Вскоре к ним добавляются клерки ВОК, капитаны кораблей, кондитеры... И он, все в той же широкополой шляпе. Она силится его пожалеть. В отличие от ненависти, жалость можно запереть в сундучок и убрать с глаз долой.

Расписной потолок — зеркало души этого города и единственное, что не уничтожили иконоборцы, — высится над ними, словно перевернутый корпус величественного корабля. Старинное дерево украшают изображения Христа с мечом и лилией, Девы Марии на полумесяце и бороздящего морские просторы парусника с грузом золота. Поднимая откидное сиденье, она пробегает пальцами по фигурной полочке, на которую дозволено опираться молящимся. На ней вырезан человек с искаженным болью лицом, испражняющийся монетами. «Что изменилось?» — думает она. И все же.

На церемонии присутствуют и мертвые. Надгробные плиты под ногами скорбящих прячут горы тел, кости и прах. Там внизу женские челюсти, крестец купца, пустая грудная клетка тучного вельможи. Есть и крохотные тельца, не больше буханки хлеба. Сгустившаяся печаль. Отводя глаза, люди сторонятся маленьких надгробий, и она их не осуждает.

В центре толпы женщина видит то, за чем пришла: возле могилы, почти не замечая пришедших поглазеть горожан, стоит обессиленная девушка с печатью горя на челе. Появляются носильщики с гробом, который покоится у них на плечах, словно футляр для лютни. Судя по лицам, некоторые из них не одобряют происходящего. Разумеется, не обошлось без Пелликорна и его ядовитых речей.

Обычно в подобных процессиях соблюдается строгая иерархия: сначала бургомистры, затем простолюдины, — но сегодня протоколом пренебрегли. Она же считает, что еще ни в одном из домов Божьих в стенах этого города не было таких покойников. Ей нравится редкое бесстрашие покойной. Амстердам строился на риске, а теперь жаждет стабильной, размеренной жизни и охраняет комфорт богатства тупой покорностью. Почему я не уехала раньше? Смерть подошла слишком близко.

Носильщики вклиниваются в толпу собравшихся и без всяких церемоний опускают гроб. Девушка подходит к краю и бросает в темноту букетик. Хлопая крыльями, вдоль беленой стены взмывает к крыше скворец. Головы оборачиваются на него посмотреть, но девушка даже не вздрагивает. Как и женщина в хоре. Под монотонную погребальную молитву Пелликорна обе они провожают взглядом лепестки.

Когда новую плиту задвигают на место, у исчезающего черного отверстия с рыданиями падает на колени служанка. Ее обессиленная госпожа не пресекает этот поток слез, и столь явное пренебрежение достоинством и порядком встречают в толпе неодобрительными возгласами. Недалеко от хора перешептываются две дамы в шелках.

— С таких вот манер все и начинается!

— Если это на людях, то дома они ведут себя как дикие животные.

— Верно. Хотя чего бы только я ни дала, чтобы побыть мухой на их стене! Ж-ж-ж, ж-ж-ж...

Они сдержанно хихикают, а женщина в хоре замечает, как побелела ее рука на резной полочке.

Церковные плиты опущены, пряча мертвых, и собравшиеся расходятся. Девушка, точно выпавшая из витража святая, наконец замечает незваных лицемеров, которые, переговариваясь, выходят на лабиринт городских улиц. Молча, рука об руку со служанкой, она следует за ними. Мужчины вернутся к столам и конторкам, ибо Амстердам держится на плаву неустанным трудом. Как гласит поговорка, усердие нас вознесло, а лень потопит. В последнее время кажется, что вода подступила слишком близко.

Как только церковь пустеет, женщина выходит из укрытия. Она спешит, не желая обнаружить свое присутствие. «Все может измениться», — эхом плывет ее шепот. Отыскав новую гранитную плиту, женщина видит, что работа сделана наспех: высеченные на ней слова — в каменной крошке.

Она опускается на колени и достает из кармана умещающийся на ладони миниатюрный домик. Это ее собственная молитва. Девять комнат и пять че-

ловеческих фигурок. Мастерство работы потрясает, оно вне времени. Женщина аккуратно ставит подарок на могилу той, кому он всегда предназначался, и благословляет каменную плиту сомкнутыми пальцами.

Отворяя дверь церкви, она невольно ищет глазами широкополую шляпу, плащ Пелликорна, дам в шелках. Никого... Если бы не крики скворца за спиной, могло бы показаться, что она одна-одинешенька во всем мире. Пора уходить, однако она на мгновение придерживает птице дверь. Чувствуя обращенное на него внимание, скворец упархивает за кафедру.

Женщина закрывает за собой прохладное нутро церкви, подставляя лицо солнцу, и направляется сквозь дуги каналов к морю. Скворушка, если церковь, по-твоему, — безопасный уголок, то не мне тебя спасать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Середина октября 1686 года.
Канал Херенграхт, Амстердам*

Не прельщайся лакомыми яствами
его; это — обманчивая пища.

*Книга притчей
Соломоновых, 23:3*

ВНУТРЬ

На пороге мужниного дома Нелла Ортман робко стучит дверным молотком в виде дельфина, стесняясь производимого ею шума. Никто не открывает, хотя ее ждут. О времени приезда условились заранее, были отправлены письма — на тоненькой бумаге ее матери и дорогом пергаменте Брандтов. Да, прием не лучший, с учетом мимолетной свадебной церемонии месяц назад, — ни гирлянд, ни обручальной чаши, ни брачного ложа. Нелла ставит на ступеньки небольшую сумку и клетку с птицей. Для домашних эту встречу придется приукрасить — потом, когда она окажется наверху, за столом в своей комнате.

С противоположного берега канала долетает смех лодочника. Нелла оборачивается. Тщедушный слепой парнишка налетел на торговку рыбой, и полумертвая сельдь скользит по ее широкому подолу. От резкого окрика деревенской бабы у Неллы мороз идет по коже. «Идиот! Идиот!» Мальчик бесстрашно шарит в грязи проворными пальцами, словно потерял драгоценность. Наконец хватает рыбину и с ги-

каньем бежит прочь, выставив перед собой свободную руку.

Нелла про себя поздравляет его и, пока еще можно, радуется редкому октябрьскому теплу. Эту часть Херенграхт прозвали Золотой излучиной, однако сегодня ее просторы окрашены в скучные бурые тона. Дома, нависшие над грязно-зеленым каналом, являют собой необыкновенное зрелище. Любуясь на собственные симметричные отражения, они величественны и прекрасны, словно драгоценные камни в короне городской гордости. Природа из всех сил старается не отставать, славя блистательную Республику облаками цвета шафрана и абрикоса.

Нелла снова поворачивается к двери, которая теперь слегка приоткрыта. Так и было? Трудно сказать. Она толкает ее, заглядывая в пустоту. От мраморного пола тянет холодом.

— Йоханнес Брандт! — зовет она громко и слегка испуганно.

Это шутка? Так можно простоять здесь до января!.. Пибо, ее попугайчик, задевает крыльями прутья клетки и слабо попискивает. Даже канал за спиной затаил дыхание.

Вглядываясь в темень, Нелла уверена только в одном: за ней наблюдают. Смелее, Нелла Элизабет, говорит она себе, переступая порог. Как поведет себя новоиспеченный муж: обнимет? поцелует? или пожмет руку, словно речь идет о сделке? На свадьбе, где присутствовала лишь ее немногочисленная родня, он ничего этого не сделал.

Желая показать, что и провинция не чужда хороших манер, Нелла наклоняется и снимает туфли, элегантные, кожаные, разумеется, ее парадные — хотя теперь

непонятно, зачем было их надевать. Мать сказала: «Достоинство». От него столько неудобств. Она со стуком ставит туфли на пол, надеясь шумом кого-нибудь привлечь. Или, быть может, отпугнуть. Мать говорит, что она фантазерка, витает в облаках. Безжизненные туфли уныло стоят на полу, и Нелла чувствует себя преглупо.

Снаружи перекликаются женщины. Нелла оборачивается, но успевает заметить только одну: высокая, золотоволосая, без чепца, она широким шагом удаляется вслед за уходящим солнцем. Ее собственная прическа по дороге из Ассенделфта растрепалась, пряди разошлись под легким ветерком и щекочут лицо. Поправив их, она еще больше выдаст волнение, и Нелла оставляет все как есть.

— У нас будет зверинец? — доносятся из темноты передней быстрые решительные слова.

Нелла вздрагивает. Ее предположение подтвердилось, что, однако, не мешает бежать мурашкам по спине. Из тьмы выплывает человеческая фигура. Рука вытянута — в знак протеста или приветствия, сказать сложно. Женщина. Прямая и стройная, в черном как ночь платье и белоснежном, безупречно отутюженном крахмальном чепце, из-под которого не выбивается ни одна прядь. Серые глаза, суровая линия рта и неожиданный аромат мускатного ореха. Как долго она здесь стоит? В ответ на внезапное появление незнакомки Пибо принимается чирикать.

— Это Пибо, — объясняет Нелла. — Мой пугайчик.

— Вижу. — Женщина пристально ее оглядывает. — Точнее, слышу. Насколько я понимаю, больше никаких зверей ты не привезла?

— У меня есть песик, он дома...

— Вот и прекрасно. Перевернул бы тут все вверх дном, поцарапал бы мебель. Маленькие собаки — причуда французов и испанцев. Столь же несерьезны, как и хозяева.

— И похожи на крыс! — доносится из передней еще один голос.

Женщина хмурится, на мгновение закрывает глаза, и Нелла изучает ее, одновременно гадая, кто еще наблюдает за их беседой. Должно быть, старше меня на десять лет, а до чего гладкая кожа...

Женщина проходит мимо Неллы к двери. В ее движениях — грация, сознание собственной красоты и вызов. Она бросает быстрый одобрителный взгляд на аккуратные туфли, а потом, поджав губы, внимательно смотрит на клетку. Пибо от страха нахохливается.

Нелла решает отвлечь незнакомку рукопожатием. Та вздрагивает.

— Сильная хватка для семнадцатилетней.

— Меня зовут Нелла, — отвечает она, убирая руку. — И мне восемнадцать.

— Я знаю, кто ты.

— Мое настоящее имя — Петронелла, но дома все зовут ме...

— Я не глухая.

— Вы экономка?

Из сумрака передней доносится едва сдерживаемый смехок.

— Йоханнес дома? Я его жена.

Молчание.

— Мы зарегистрировали брак месяц назад в Ассенделфте, — стоически продолжает Нелла, поскольку ничего другого, видимо, не остается.

— Брата нет дома.

— Брата?

В темноте снова хихикают. Женщина смотрит на Неллу в упор.

— Я Марин Брандт, — говорит она, словно это должно все объяснить.

Хотя взгляд Марин строг, Нелла чувствует, что в ее голосе сквозит неуверенность.

— Брата нет, — продолжает Марин. — Мы думали, он успеет вернуться. Но он не успел.

— Где же он?

Марин снова смотрит в небо. Ее левая рука делает взмах, и из темноты у лестницы возникают две фигуры.

— Отто! — зовет она.

Нелла судорожно сглатывает и застывает на месте, чувствуя, как зябнут на полу ноги.

Подошедший к ним Отто — темный, темно-коричневый. Везде! Шоколадная шея над воротником, кисти рук и запястья, выглядывающие из рукавов, высокие скулы, подбородок, широкий лоб — каждый дюйм! Никогда в жизни Нелла никого подобного не встречала.

Марин наблюдает, как она себя поведет. Взгляд больших глаз Отто никак не обнаруживает, что он заметил ее плохо скрываемое любопытство. Он кланяется, а Нелла приседает в ответ, невольно до крови закусывая губу. Его кожа блестит, густые вьющиеся волосы напоминают мягкую шапку — не то что прямые, засаленные пряди других мужчин.

— Я... — бормочет она.

Пибо принимается чирикать. Отто протягивает руки. В широких ладонях — башмаки.

— Это вам.

Выговор амстердамский, однако слова звучат тепло и плавно. Нелла принимает обувь, на секунду касаясь пальцами его кожи. Башмаки слишком велики, но она не смеет жаловаться. По крайней мере, защитят от ледяного мрамора. Потом, наверху, она затынет кожаные ремешки потуже — если когда-нибудь все-таки попадет наверх, если ее туда пустят...

— Отто — слуга моего брата. — Марин продолжает изучать Неллу. — А это Корнелия, наша горничная. Она будет тебе прислуживать.

Корнелия немного старше Неллы — ей двадцать или двадцать один — и чуть выше ростом. Девушка делает шаг вперед и мрачно усмехается, окидывая взглядом новобрачную и задерживаясь на ее дрожащих руках. Нелла улыбается, уязвленная любопытством прислуги, бормочет пустые слова благодарности и отчасти даже радуется, когда Марин ее обрывает.

— Я провожу тебя наверх. Ты, наверное, хочешь увидеть свою комнату.

Нелла кивает, и в глазах Корнелии вспыхивает лукавый огонек. Беззаботный щебет Пибо отражается от высоких стен, и Марин взмахом руки велит служанке унести птицу на кухню.

— Но там душно! — протестует Нелла.

Марин и Отто поворачиваются на ее реплику.

— Пибо любит свет!

Корнелия берет клетку и принимается размахивать ею, точно ведром.

— Осторожнее, пожалуйста!

Марин и Корнелия встречаются взглядом. Горничная следует на кухню под аккомпанемент испуганного попискивания попугайчика.